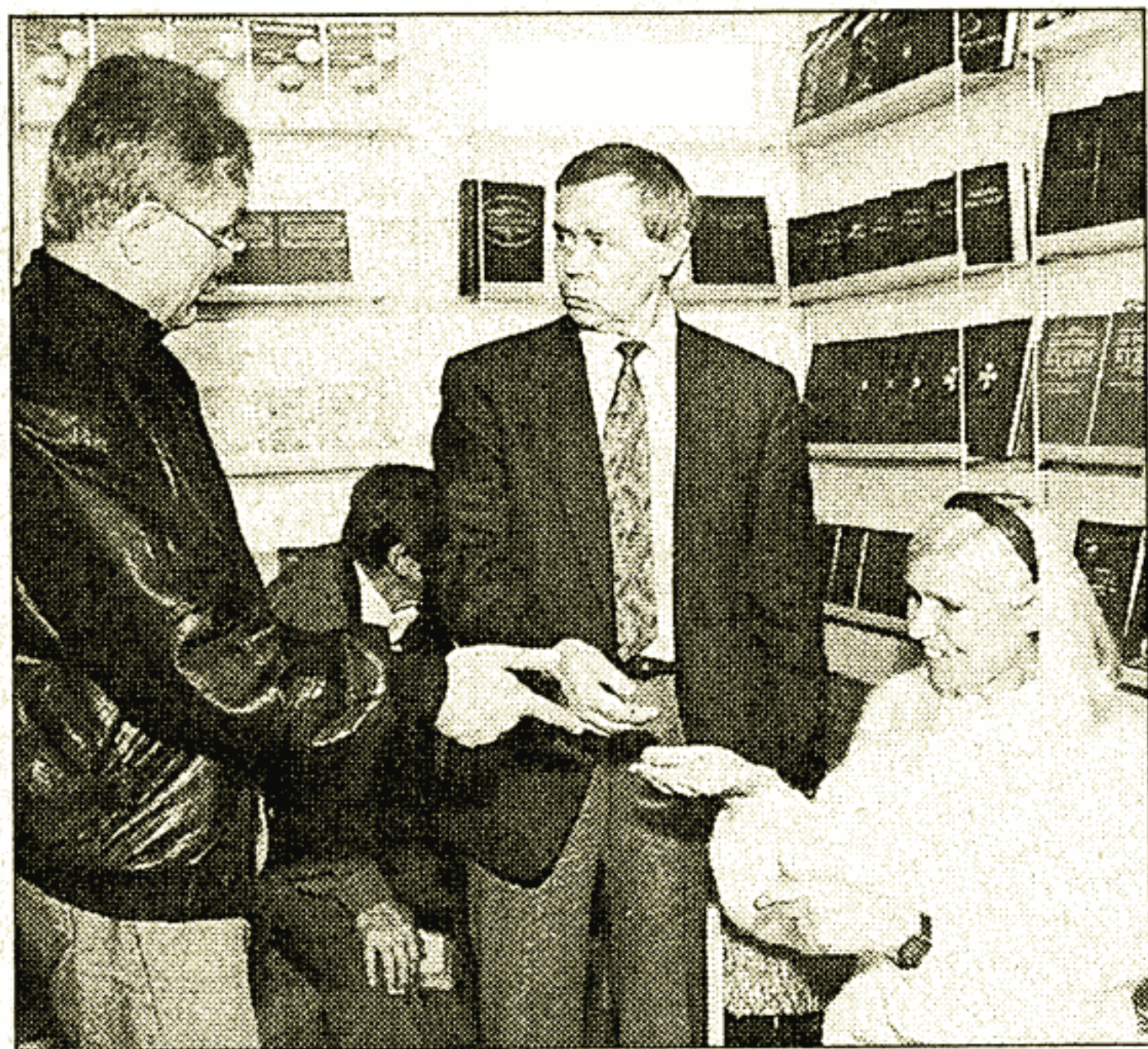

Послушайте

**Валентин РАСПУТИН:
«Коммунизм не жаловал
Байкал. Сегодня к нему
тоже равнодушны»**

В минувший выходной на Российской книжной ярмарке было особенно многолюдно у стенда издательства «Воскресенье»: здесь встречался с читателями выдающийся русский писатель Валентин Распутин. Пользуясь случаем, мы попросили его ответить на вопросы «РГ». Разговор получился откровенным...

(Интервью — на 3-й стр.)

Валентин РАСПУТИН:

Коммунизм не жаловал Байкал. Сегодня к нему тоже равнодушны

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Валентин Григорьевич, в свое время ваш голос привлек всеобщее внимание к судьбе Байкала. Как обстоит дело сейчас?

— Состояние Байкала лучше не стало, и не от чего ему быть лучше. Последнее серьезное правительственное постановление было принято в 1987 году. Самое главное, что должны были сделать по этому постановлению, — пере-профилировать Байкальский целлюлозный комбинат. Это планировалось сделать к 1993 году. Однако Байкалу не везет... Коммунизм не очень жаловал Байкал, капитализм тоже не хочет им заниматься. Комбинат акционировался, ушел из-под всякого надзора. Так что загрязнение озера продолжается, в том числе и воздушное.

Конечно, местная власть могла бы сегодня сделать очень много, но Байкалом она почти не занимается. Поэтому общественность, болеющая за Байкал, решила обратиться в ЮНЕСКО, чтобы озеро стало объектом мирового наследия, для чего есть все основания. Казалось бы, все в порядке. Но целлюлозники делают другой ход. Они обращаются в ЮНИДО — дочернюю организацию ООН, занимающуюся вопросами промышленного развития. Приезжает оттуда комиссия и заявляет, что целлюлозный комбинат ничего страшного на Байкале не делает, даже можно при условии модернизации расширять мощности. Такие вот дела...

Нам явно не хватает не только экологического мышления, но и гражданского, государственного. Посмотрите, сколько добра, в том числе и бумаги, у нас выбрасывается и сжигается... Да что там говорить, красивейший остров на Байкале Ольхон, бурятская святыня, превращен в свалку. Вообще Байкал страшно загрязнен по всей своей береговой линии.

— Валентин Григорьевич, в ваших выступлениях защита природы тесно связана с темой экологии, защиты детей и подростков от низкопробного мейнстрима, пропаганды вседозволенности и насилия, неприкрытой порнографии. Проблема, как говорится, у всех на слуху, но реальных шагов нет...

— Вы абсолютно правы. Мне больно об этом говорить, потому

что реакции никакой. В свое время я работал в комиссии, которая в начале 90-х годов подготовила проект закона о защите нравственности. Никто его не принял, разумеется. А сейчас бескультурье, безнравственность, пошлость просто правят бал и маленькие победы духа пока ничего не решают.

Мы настолько погрязли в этой нравственной грязи, что в шоке даже те, кому мы подражали, —

— Многие считают, что нравственное возрождение России начнется с возрождения деревни. А другие полагают, что село наше уже не возродится, дескать, все давно сплелось. А что вы думаете?

— Думаю, что начало возрождения движения действительно пойдет из деревни. Там человек искалечен меньше. Пусть он пьян, но он честнее, откровеннее. Он ведь все-таки живет в

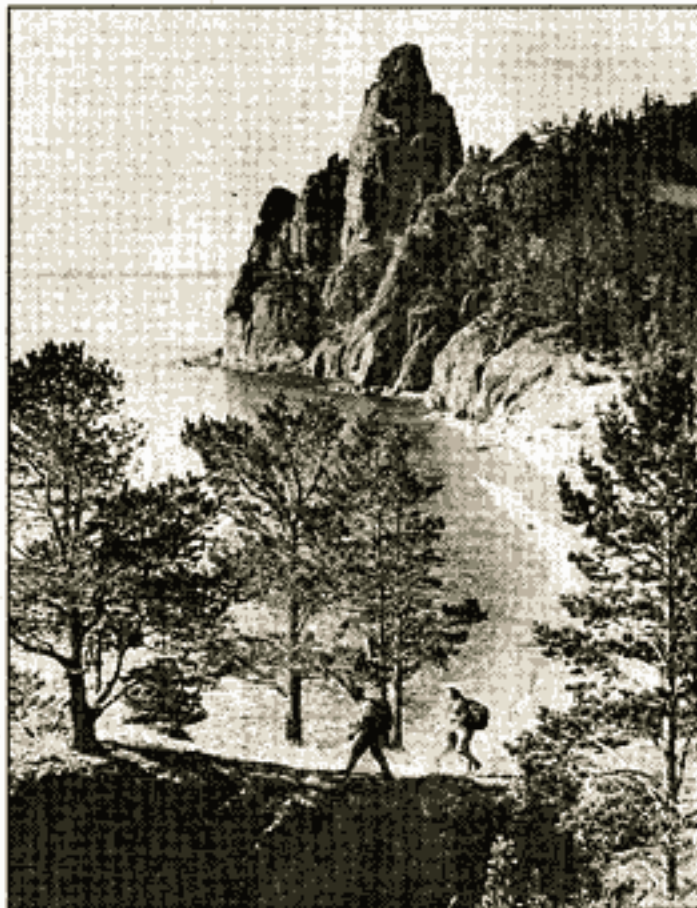

Фото М. САВИНА

представители западных стран. Приезжают люди оттуда и с ужасом смотрят на то, что творится на нашем телевидении и киноэкране. У них такого разгула вседозволенности нет, потому что все регулируется законом.

И, конечно, надо бить тревогу о судьбе библиотек России. Они же ведь гибнут — сельские, районные, вузовские. А ведь это зачастую последние островки культуры для миллионов людей.

общности, там есть коллектив.

Но деревня сегодня находится в очень тяжелом положении. Тут я хотел бы упомянуть о своей деревне Аталанке, что на Ангаре, где недавно побывал. В начале 60-х годов ее перенесли, потому что она попала в зону затопления Братской ГЭС. Как говорится у меня в "Матере", деревня пошла на электричество. Поля тоже были затоплены, и в моей деревне стал работать леспрохоз.

Но сейчас ведь лес никому не нужен, поэтому делать нечего, вот уже год людям не выдают зарплату. Хлеб по талонам, вода из скважин тоже по талонам. Школа сгорела, и никто за лето пальцем не пошевелил, чтобы построить новую. Учить ребят будут в детсадике, совершенно не приспособленном для занятий. Восьмой класс, представьте, будет заниматься в туалете.

Полагаю, надо срочно помогать деревне, потому что загускаются пашни. Горючего нет, техники нет — люди видят, что никому ничего не нужно, и у них опускаются руки. Конечно, ныне существуют возможности для ведения личного хозяйства, но где рынок сбыта? У нас слабо поддерживают своего, отечественного, производителя. Не удивительно, что, скажем, в Иркутской области масло на прилавках магазинов голландское да новозеландское...

Это одна сторона дела, теперь о стороне нравственной. Да, деревня много потеряла. Сильно пьян народ. А кроме того, если в городах все-таки отстраиваются храмы, то сибирская деревня пока остается без церкви. Почти везде. Без Бога сейчас восстанавливать душу очень трудно.

И все-таки, несмотря ни на что, деревня жива. Ведь в больших городах России и душу человека трудно рассмотреть. Она видна только в такие дни, как День города в Москве, или в другие праздники. Видна она и в храмах. А выйдите на Новый Арбат — это уже не Россия, это неизвестно какая страна. Здесь человек мало похож на россиянина, он уже выглядит по-другому, у него речи совсем другие. Многие говорят на каком-то непонятном языке. Тоже проблема — сохранение нашей речи, которая замусорана иностранщиной и глупым жаргоном.

— Валентин Григорьевич, и в заключение традиционный вопрос. Что на письменном столе и в голове?

— В голове всегда замыслов много. На столе же немного, но кое-что есть. Сейчас пишу рассказы, недавно вышла книжка. Я надеюсь, что жизнь даст возможность в основном отказаться от публицистики и сосредоточиться на художественной прозе.

Беседовал с писателем
Андрей ЩЕРБАКОВ.